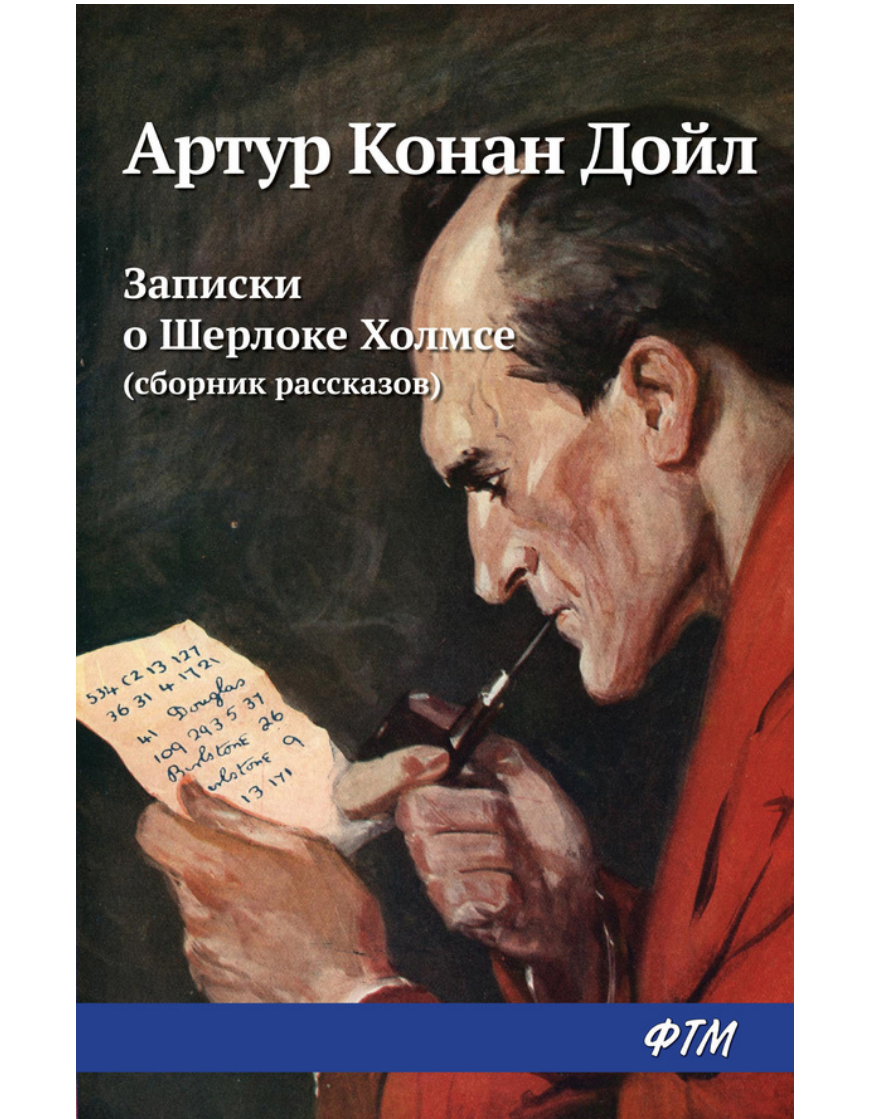

Артур Конан Дойл

Записки
о Шерлоке Холмсе
(сборник рассказов)

534 (2 13 127
36 31 4 172
41 Douglas
109 293 5 37
Burlstone 26
Wlstone 9
13 171

ФТМ

Артур Конан Дойл

Записки о Шерлоке Холмсе (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19559864

Записки о Шерлоке Холмсе (сборник): ФТМ; Москва; 2016

ISBN 978-5-4467-2781-0

Аннотация

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего знаменитого дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

Содержание

Жёлтое лицо

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Артур Конан Дойл Записки о Шерлоке Холмсе (сборник)

Жёлтое лицо

Перевод Н. Д. Вольпин

Вполне естественно, что я, готовя к изданию эти короткие очерки, в основу которых легли те многочисленные случаи, когда своеобразный талант моего друга побуждал меня жадно выслушивать его отчет о какой-нибудь необычной драме, а порой и самому становиться ее участником, что я при этом чаще останавливаюсь на его успехах, чем на неудачах. Я поступаю так не в заботе о его репутации, нет: ведь именно тогда, когда задача ставила его в тупик, он особенно удивлял меня своей энергией и многогранностью дарования. Я поступаю так по той причине, что там, где Холмс терпел неудачу, слишком часто оказывалось, что и никто другой не достиг успеха, и тогда рассказ оставался без развязки. Временами, однако, случалось и так, что мой друг заблуждался, а истина все же бывала раскрыта. У меня записано пять-шесть случаев этого рода, и среди них наиболее яркими и занимательны-

ми представляются два – дело о втором пятне и та история, которую я собираюсь сейчас рассказать.

Шерлок Холмс редко когда занимался тренировкой ради тренировки. Немного найдется людей, в большей мере способных к напряжению всей своей мускульной силы, и в своем весе он был, бесспорно, одним из лучших боксеров, каких я только знал; но в бесцельном напряжении телесной силы он видел напрасную трату энергии, и его, бывало, с места не сдвинешь, кроме тех случаев, когда дело касалось его профессии. Вот тогда он бывал совершенно неутомим и неотступен, хотя, казалось бы, для этого требовалась постоянная и неослабная тренировка; но, правда, он всегда соблюдал крайнюю умеренность в еде и в своих привычках был до строгости прост. Он не был привержен ни к каким порокам, а если изредка и прибегал к кокаину, то разве что в порядке протеста против однообразия жизни, когда загадочные случаи становились редки и газеты не предлагали ничего интересного.

Как-то ранней весной он был в такой расслабленности, что пошел со мною днем прогуляться в парк. На вязах только еще пробивались первые хрупкие зеленые побеги, а клейкие копьевидные почки каштанов уже начали развертываться в пятиперстные листики. Два часа мы прохаживались вдвоем, большей частью молча, как и пристало двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было около пяти, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Разрешите доложить, сэр, – сказал наш мальчик-лакей, открыв нам дверь. – Тут приходил один джентльмен, спрашивал вас, сэр.

Холмс посмотрел на меня с упреком.

– Вот вам и погуляли среди дня! – сказал он. – Так он ушел, этот джентльмен?

– Да, сэр.

– Ты не предлагал ему зайти?

– Предлагал, сэр, он заходил и ждал.

– Долго он ждал?

– Полчаса, сэр. Очень был беспокойный джентльмен, сэр, он все расхаживал, пока был тут, притопывал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и мне все было слышно. Наконец он вышел в коридор и крикнул: «Что же, он так никогда и не придет, этот человек?» Это его точные слова, сэр. А я ему: «Вам только надо подождать еще немного». – «Так я, – говорит, – подожду на свежем воздухе, а то я просто задыхаюсь! Немного погодя зайду еще раз», – с этим он встал и ушел, и, что я ему ни говорил, его никак было не удержать.

– Хорошо, хорошо, ты сделал что мог, – сказал Холмс, проходя со мной в нашу общую гостиную. – Как все-таки досадно получилось, Уотсон! Мне позарез нужно какое-нибудь интересное дело, а это, видно, такое и есть, судя по нетерпению джентльмена. Эге! Трубка на столе не ваша! Значит, это он оставил свою. Хорошая старая трубка из корня вереска с длинным чубуком, какой в табачных магазинах имену-

ется янтарным. Хотел бы я знать, сколько в Лондоне найдется чубуков из настоящего янтаря! Иные думают, что признаком служит муха. Возникла, знаете, целая отрасль промышленности – вводить поддельную муху в поддельный янтарь. Он был, однако, в сильном расстройстве, если забыл здесь свою трубку, которой явно очень дорожит.

– Откуда вы знаете, что он очень ею дорожит? – спросил я.

– Такая трубка стоит новая семь с половиной шиллингов. А между тем она, как вы видите, дважды побывала в починке: один раз чинилась деревянная часть, другой – янтарная. Починка, заметьте, оба раза стоила дороже самой трубки – здесь в двух местах перехвачено серебряным кольцом. Человек должен очень дорожить трубкой, если предпочитает дважды чинить ее, вместо того чтобы купить за те же деньги новую.

– Что-нибудь еще? – спросил я, видя, что Холмс вертит трубку в руке и задумчиво, как-то по-своему ее разглядывает. Он высоко поднял ее и постукивал по ней длинным и тонким указательным пальцем, как мог бы профессор, читая лекцию, постукивать по кости.

– Трубки бывают обычно очень интересны, – сказал он. – Ничто другое не заключает в себе столько индивидуального, кроме, может быть, часов да шнурков на ботинках. Здесь, впрочем, указания не очень выраженные и не очень значительные. Владелец, очевидно, крепкий человек с отличными зубами, левша, неаккуратный и не должен наводить эконо-

мию.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, как бы вскользь, но я видел, что он скосил на меня взгляд, проверяя, слежу ли я за его рассуждением.

– Вы думаете, человек не стеснен в деньгах, если он курит трубку за семь шиллингов? – спросил я.

– Он курит grosвенорскую смесь по восемь пенсов унция, – ответил Холмс, побарабанив по головке трубки и выбив на ладонь немного табаку. – А ведь можно и за половину этой цены купить отличный табак – значит, ему не приходится наводить экономию.

– А прочие пункты?

– Он имеет привычку прикуривать от лампы и газовой горелки. Вы видите, что трубка с одного боку сильно обуглилась. Спичка этого, конечно, не наделала бы. С какой стати станет человек, разжигая трубку, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы вы не сможете, не опалив головки. И опалена она с правой стороны. Отсюда я вывожу, что ее владелец левша. Попробуйте сами прикурить от лампы и посмотрите, как, естественно, будучи правой, вы поднесете трубку к огню левой ее стороной. Иногда вы, может быть, сделаете и наоборот, но не будете так поступать из раза в раз. Эту трубку постоянно подносили правой стороной. Далее, смотрите, он прогрыз янтарь насквозь. Это может сделать только крепкий, энергичный человек, да еще с отличными зубами. Но, кажется, я слышу на лестнице его шаги, так что

нам будет что рассмотреть поинтересней трубки.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был отличный, но не броский темно-серый костюм, и в руках он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Выглядел он лет на тридцать, хотя на самом деле был, должно быть, старше.

– Извините, – начал он в некотором смущении. – Полагаю, мне бы следовало постучать. Да, конечно, следовало... Понимаете, я несколько расстроен, тем и объясняется... – Он провел рукой по лбу, как делает человек, когда он сильно не в себе, и затем не сел, а скорей упал на стул.

– Я вижу, что вы ночи две не спали, – сказал Холмс в спокойном, сердечном тоне. – Это изматывает человека больше, чем работа, и даже больше, чем наслаждение. Разрешите спросить, чем могу вам помочь?

– Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что мне делать, все в моей жизни пошло прахом.

– Вы хотели бы воспользоваться моими услугами сыщика-консультанта?

– Не только. Я хочу услышать от вас мнение рассудительного человека... и человека, знающего свет. Я хочу понять, что мне теперь делать дальше. Я так надеюсь, что вы что-то мне посоветуете.

Он не говорил, а выпаливал резкие, отрывочные фразы, и мне казалось, что говорить для него мучительно и что он

все время должен превозмогать себя усилием воли.

– Дело это очень щепетильное, – продолжал он. – Никто не любит говорить с посторонними о своих семейных делах. Ужасно, знаете, обсуждать поведение своей жены с людьми, которых ты видишь в первый раз. Мне противно, что я вынужден это делать! Но я больше не в силах терпеть, и мне нужен совет.

– Мой милый мистер Грэнт Манро... – начал Холмс.

Наш гость вскочил со стула.

– Как! – вскричал он. – Вы знаете мое имя?

– Если вам желательно сохранять инкогнито, – сказал с улыбкой Холмс, – я бы вам посоветовал отказаться от обыкновения проставлять свое имя на подкладке шляпы или уж держать ее тульей к собеседнику. Я как раз собирался объяснить вам, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало странных тайн и что мы имели счастье внести мир во многие встревоженные души. Надеюсь, нам удастся сделать то же и для вас. Я попрошу вас, поскольку время может оказаться дорого, не тянуть и сразу изложить факты.

Наш гость опять провел рукой по лбу, как будто исполнить эту просьбу ему было до боли тяжело. По выражению его лица и по каждому жесту я видел, что он сдержанный, замкнутый человек, склонный скорее прятать свои раны, нежели чванливо выставлять их напоказ. Потом он вдруг взмахнул стиснутым кулаком, как бы отметая прочь всю сдержанность, и начал:

– Факты эти таковы, мистер Холмс. Я женатый человек, и женат я три года. Все это время мы с женой искренне любили друг друга и были очень счастливы в нашей брачной жизни. Никогда у нас не было ни в чем разлада – ни в мыслях, ни в словах, ни на деле. И вот в этот понедельник между нами вдруг возник барьер: я открываю, что в ее жизни и в ее мыслях есть что-то, о чем я знаю так мало, как если бы это была не она, а та женщина, что метет улицу перед нашим домом. Мы сделались чужими, и я хочу знать, почему.

Прежде чем рассказывать дальше, я хочу, чтобы вы твердо знали одно, мистер Холмс: Эффи любит меня. На этот счет пусть у вас не будет никаких сомнений. Она любит меня всем сердцем, всей душой и никогда не любила сильнее, чем теперь. Я это знаю, чувствую. Этого я не желаю обсуждать. Мужчина может легко различить, любит ли его женщина. Но между нами легла тайна, и не пойдет у нас по-прежнему, пока она не разъяснится.

– Будьте любезны, мистер Манро, излагайте факты, – сказал Холмс с некоторым нетерпением.

– Я сообщу вам, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Она была вдовой, когда мы с нею встретились, хотя и совсем молодою – ей было двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. В юности она уехала в Америку, и жила она там в городе Атланте, где и вышла замуж за этого Хеброна, адвоката с хорошей практикой. У них был ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки и унесла обоих –

мужа и ребенка. Я видел сам свидетельство о смерти мужа. После этого Америка ей опротивела, она вернулась на родину и стала жить с теткой, старой девой, в Мидлсексе, в городе Пиннере. Пожалуй, следует упомянуть, что муж не оставил ее без средств: у нее был небольшой капитал – четыре с половиной тысячи фунтов, которые он так удачно поместил, что она получала в среднем семь процентов. Она прожила в Пиннере всего полгода, когда я встретился с ней. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились.

Сам я веду торговлю хмелем, и, так как мой доход составляет семь-восемь сотен в год, мы живем не нуждаясь, снимаем виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. У нас там совсем по-дачному, хоть это и близко от города. Рядом с нами, немного дальше по шоссе, гостиница и еще два дома, прямо перед нами – поле, а по ту сторону его – одинокий коттедж; и, помимо этих домов, никакого жилья ближе, чем на полпути до станции. Выпадают такие месяцы в году, когда дела держат меня в городе, но летом я бываю более или менее свободен, и тогда мы с женою в нашем загородном домике так счастливы, что лучше и желать нельзя. Говорю вам, между нами никогда не было никаких размолвок, пока не началась эта проклятая история.

Одну вещь я вам должен сообщить, прежде чем стану рассказывать дальше. Когда мы поженились, моя жена перевела на меня все свое состояние – в сущности, вопреки моей воле, потому что я понимаю, как неудобно это может обернуться,

если мои дела пойдут под уклон. Но так она захотела, и так было сделано. И вот шесть недель тому назад она вдруг говорит мне:

– Джек, когда ты брал мои деньги, ты сказал, что, когда бы они мне ни понадобились, мне довольно будет просто попросить.

– Конечно, – сказал я, – они твои.

– Хорошо, – сказала она, – мне нужно сто фунтов.

Я опешил – я думал, ей понадобилось на новое платье или что-нибудь в этом роде.

– Зачем тебе вдруг? – спросил я.

– Ах, – сказала она шаловливо, – ты же говорил, что ты только мой банкир, а банкиры, знаешь, никогда не спрашивают.

– Если тебе в самом деле нужны эти деньги, ты их, конечно, получишь, – сказал я.

– Да, в самом деле нужны.

– И ты мне не скажешь, на что?

– Может быть, когда-нибудь и скажу, но только, Джек, не сейчас.

Пришлось мне этим удовольствоваться, хотя до сих пор у нас никогда не было друг от друга никаких секретов. Я выписал ей чек и больше об этом деле не думал. Может быть, оно и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом, но я посчитал правильным рассказать вам о нем.

Так вот, как я уже упоминал, неподалеку от нас стоит кот-

тедж. Нас от него отделяет только поле, но, чтобы добраться до него, надо сперва пройти по шоссе, а потом свернуть по проселку. Сразу за коттеджем славный сосновый борок, я люблю там гулять, потому что среди деревьев всегда так приятно. Коттедж последние восемь месяцев стоял пустой, и было очень жаль, потому что это премилый двухэтажный домик с крыльцом на старинный манер и жимолостью вокруг. Я, бывало, остановлюсь перед этим коттеджем и думаю, как мило можно бы в нем устроиться.

Так вот в этот понедельник вечером я пошел погулять в свой любимый борок, когда на проселке мне встретился возвращающийся пустой фургон, а на лужайке возле крыльца я увидел груды ковров и разных вещей. Было ясно, что коттедж наконец кто-то снял. Я прохаживался мимо, останавливался, как будто от нечего делать, – стою, оглядываю дом, любопытствуя, что за люди поселились так близко от нас. И вдруг вижу в одном из окон второго этажа чье-то лицо, уставившееся прямо на меня.

Не знаю, что в нем было такого, мистер Холмс, только у меня мороз пробежал по спине. Я стоял в отдалении, так что не мог разглядеть черты, но было в этом лице что-то неестественное, нечеловеческое. Такое создалось у меня впечатление. Я быстро подошел поближе, чтобы лучше разглядеть следившего за мной. Но едва я приблизился, лицо вдруг скрылось – и так внезапно, что оно, показалось мне, нырнуло во мрак комнаты. Я постоял минут пять, думая

об этой истории и стараясь разобраться в своих впечатлениях. Я не мог даже сказать, мужское это было лицо или женское. Больше всего меня поразило его цвет. Оно было мертвенно-желтое с лиловыми тенями и какое-то застывшее, отчего и казалось таким жутко неестественным. Я до того расстроился, что решил узнать немного больше о новых жильцах. Я подошел и постучался в дверь, и мне тут же открыла худая высокая женщина с неприветливым лицом.

– Чего вам надо? – спросила она с шотландским акцентом.

– Я ваш сосед, вон из того дома, – ответил я, кивнув на нашу виллу. – Вы, я вижу, только что приехали, я и подумал, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

– Эге! Когда понадобится, мы сами вас попросим, – сказала она и хлопнула дверью у меня перед носом.

Рассердясь на такую грубость, я повернулся и пошел домой. Весь вечер, как ни старался я думать о другом, я не мог забыть призрака в окне и ту грубую женщину. Я решил ничего жене не рассказывать – она нервная, впечатлительная женщина, и я не хотел делиться с ней неприятным переживанием. Все же перед сном я как бы невзначай сказал ей, что в коттедже появились жильцы, на что она ничего не ответила.

Я вообще сплю очень крепко. В семье у нас постоянно шутили, что ночью меня пушкой не разбудишь; но почему-то как раз в эту ночь – потому ли, что я был немного возбужден своим маленьким приключением, или по другой причине,

не знаю, – только спал я не так крепко, как обычно. Я смутно сознавал сквозь сон, что в комнате что-то происходит, и понемногу до меня дошло, что жена стоит уже в платье и потихоньку надевает пальто и шляпу. Мои губы шевельнулись, чтобы пробормотать сквозь сон какие-то слова недоумения или упрека за эти несвоевременные сборы, когда, вдруг приоткрыв глаза, я посмотрел на ее озаренное свечой лицо, и у меня отнялся язык от изумления. Никогда раньше я не видел у нее такого выражения лица – я даже и не думал, что ее лицо может быть таким. Она была мертвенно-бледна, дышала учащенно и, застегивая пальто, украдкой косилась на кровать, чтобы проверить, не разбудила ли меня. Потом, решив, что я все-таки сплю, она бесшумно выскользнула из комнаты, и секундой позже раздался резкий скрип, какой могли произвести только петли парадных дверей. Я приподнялся в постели, потер кулаком о железный край кровати, чтобы увериться, что это не сон. Потом я достал часы из-под подушки. Они показывали три пополудни. Что на свете могло понадобиться моей жене в этот час на шоссеной дороге?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.